

ЭХО БУДУЩЕГО

— ПОСЛЕДНИЙ ЦИКЛ —

— НЕ ИЩИ ПЕРВЫЙ ЦИКЛ.
НАЙДИ ТОГО, КТО ЕГО СОЗДАЛ.

Халатян Г.А.

Эхо будущего. Последний цикл

«Автор»

2026

Халатян Г.А.

Эхо будущего. Последний цикл / Халатян Г.А. — «Автор», 2026

Миллионы раз история приходила к одному и тому же моменту. Миллионы раз что-то заставляло её начинаться заново. Но впервые кто-то решил узнать почему. Джозеф Харрисон никогда не считал себя особенным. Его обычная жизнь в Нью-Йорке кардинально меняется в тот день, когда он получает сообщения, которые не могут существовать. Он начинает поиски ответа на вопрос, который не должен был быть задан. И чем ближе оказывается истина, тем очевиднее становится: некоторые тайны существуют не для того, чтобы их раскрывали.

© Халатян Г.А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава II. Следы на воде	8
Глава III. Голос из неизвестного дня	10
Глава IV «Смещение причинности»	13
Глава V «Следы записи»	15
Глава VI «Корректировка»	17
Глава VII «Синхронизация слоёв»	19
Глава VIII. Эхо будущего	20
Глава IX. Обратный отсчёт	23
Глава X. Фрагменты памяти	25
Глава XI. Архив невозможного	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эхо будущего. Последний цикл

Глава

Небольшое предисловие

Если вы сейчас открыли эту книгу, значит, наша встреча уже состоялась.

Сразу признаюсь: это моя первая работа, поэтому прошу не судить слишком строго. Наверняка здесь есть моменты, которые можно было бы сделать лучше. Но эта история была написана с большим интересом и желанием рассказать её именно такой, какой я её увидел: о тайнах времени, памяти и будущем, которое может оказаться ближе, чем кажется.

Надеюсь, путешествие вместе с Джозефом Харрисоном окажется для вас интересным. Спасибо, что дали шанс моей первой работе.

Приятного чтения.

РАЗДЕЛ I «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Глава 1 «Шум, которого не было»

Существуют ночи, которые отличаются от прочих не погодой, не положением звёзд и даже не теми событиями, что происходят под их покровом, а чем-то гораздо менее уловимым, почти не поддающимся определению, нечто такое, что невозможно увидеть глазами, услышать ушами или ощутить прикосновением, но что всё же оставляет после себя слабое и тревожное чувство присутствия, будто мир, который люди привыкли считать единственно возможным, лишь на мгновение приоткрывает край своей завесы и позволяет заглянуть туда, куда заглядывать не следовало бы никому.

Именно такой была эта ночь. Город спал и его бесчисленные окна, ещё несколько часов назад наполненные светом, голосами, раздражением, смехом, разговорами о работе, деньгах, болезнях, любви и тысячах прочих вещей, которые кажутся людям бесконечно важными до тех пор, пока они не сталкиваются с чем-то по-настоящему значительным, теперь постепенно гасли одно за другим, словно звёзды, исчезающие перед рассветом.

Улицы пустели, ветер медленно скользил между домами, касаясь их стен так осторожно, чтобы не нарушить покой каменных исполинов, выросших здесь за многие десятилетия.

Мир продолжал жить своей обычной жизнью, не подозревая о том, что именно в такие моменты, когда всё кажется спокойным и предсказуемым, история иногда начинает менять направление.

На крыше одного из домов стоял человек. Снизу его невозможно было заметить. Он не двигался уже несколько минут и казался частью окружающего пейзажа — такой же неподвижной, как вентиляционные трубы, бетонные конструкции или антенны, устремлённые в небо. Перед ним раскинулся город. Миллионы огней, миллионы людей, каждый из которых считал себя главным героем собственной жизни, не задумываясь о том, насколько незначительными могут оказаться человеческие представления о собственной важности в масштабах времени.

Человек смотрел вдаль, его взгляд был усталым. Не той усталостью, которая приходит после тяжёлого рабочего дня или бессонной ночи и не той или которую приносят возраст и болезни. Это была усталость, что возникает после слишком долгого ожидания и поиска ответа, слишком долгого знакомства с вопросами, на которые, возможно, вообще не существует ответов.

Он поднял голову — небо было ясным, звёзды сияли спокойно и равнодушно. Так же равнодушно они сияли тысячи лет назад. Так же будут сиять спустя тысячи лет после смерти всех ныне живущих.

Люди любили смотреть на звёзды, наделять их смыслом и искать в них надежду. Но звёздам было всё равно. Вселенная никогда не обещала человеку понимания и справедливости, что мир обязан быть устроен так, чтобы человеческий разум мог его постичь. И, возможно, именно поэтому самые страшные открытия человечества всегда начинались не с ответов, а с осознания собственного невежества.

Человек закрыл глаза на несколько секунд, затем снова открыл и совсем чуть-чуть, почти незаметно, на одно короткое мгновение ему показалось, будто среди звёзд чего-то не хватает, словно одна из них исчезла или переместилась, может, никогда и не существовала. Он моргнул и всё вновь было на месте, небо выглядело совершенно обычным. Настолько обычным, что любой другой человек немедленно решил бы, будто ему просто почудилось. Но он продолжал смотреть. Слишком долго, пока наконец не отвернулся.

Именно в этот момент где-то очень далеко произошло событие, которое никто на Земле не заметил, не сработали датчики, не прозвучали сигналы тревоги и не появились срочные сообщения в новостях, потому что заметить произошедшее было невозможно. Но нечто всё же изменилось, совсем немного, настолько, что изменение не поддавалось измерению. Оно не имело цвета, формы, не обладало звуком, но тем не менее произошло, словно гигантский механизм, скрытый где-то за пределами человеческого понимания, совершил ещё один оборот своих шестерён и мир продолжил существовать так, будто ничего не случилось.

Люди спали, поезда двигались по расписанию, самолёты пересекали океаны, больницы принимали пациентов, рождались дети, умирали старики. Влюблённые строили планы на будущее, политики произносили речи, учёные публиковали статьи. Мир жил, как жил вчера и как будет жить завтра. И лишь одна проблема оставалась неизменной.

Никто не знал, что именно происходит.

Никто не понимал, почему последние десятилетия всё больше людей испытывают странное чувство, которое невозможно описать словами, словно что-то забыто, будто существует воспоминание, скрывающееся за пределами памяти. Конечно, разумный человек легко нашёл бы объяснение- психология, стресс, информационная перегрузка, тревожность. Любая эпоха рождает собственные страхи. Любое поколение убеждено, что живёт накануне чего-то великого или ужасного. И всё же иногда даже самые рациональные люди неожиданно просыпались среди ночи с ощущением, будто только что видели сон, который должен был изменить их жизнь.

Сон, содержание которого исчезало прежде, чем удавалось его вспомнить и оставалось лишь чувство, слабый след, отголосок знания.

Будто ответ существовал и находился совсем рядом, будто человечество смотрело прямо на него каждый день и всё равно не замечало.

Где-то далеко за пределами Земли, там, где человеческое воображение уже начинало терять способность строить привычные образы, среди безмолвной бесконечности, которой были безразличны судьбы отдельных миров и целых цивилизаций, продолжалось медленное, почти вечное, не имеющее начала и конца, движение. И если бы кто-нибудь сумел увидеть его, если бы человеческому разуму хотя бы на секунду позволили взглянуть на происходящее без привычных ограничений восприятия, то этот человек, вероятно, потерял бы способность отличать прошлое от будущего, причину от следствия, рождение от смерти, поскольку некоторые вещи становятся понятными лишь тогда, когда уже слишком поздно что-либо изменить.

Некоторые тайны существуют именно потому, что их разгадка способна уничтожить самого того, кто её найдёт. А пока человечество спокойно спало под светом далёких звёзд, даже не подозревая, насколько древней является история, частью которой оно давно стало,

невидимые часы продолжали свой ход, секунда за секундой, оборот за оборотом, цикл за циклом. Только самого главного никто не знал: часы уже были запущены.

Глава II. Следы на воде

Утро пришло незаметно. Не было ни величественного рассвета, ни золотых лучей, прорывающихся сквозь облака, ни какого-либо иного знака, который позволил бы человеку ощутить торжественность начала нового дня, напротив, ночь отступала медленно и неохотно, словно не желая покидать город, над которым ещё долго висела тусклая серая пелена, превращавшая небо в бесконечную безликую поверхность, лишённую глубины и характера.

С самого рассвета шёл мелкий и тихий дождь, который постепенно проникал всюду — в одежду, в волосы, в настроение, в мысли, превращаясь из природного явления в часть окружающего мира. Город просыпался, тысячи людей выходили из домов, автомобили заполняли улицы, тысячи разговоров начинались и заканчивались, не оставляя после себя ничего, кроме нескольких забытых фраз. Каждое утро человечество словно заново запускало само себя и каждый раз люди вели себя так, будто этот процесс будет продолжаться вечно, что впереди у них бесконечное количество дней и время является неисчерпаемым ресурсом, хотя вся история человечества представляла собой неисчислимую череду доказательств обратного.

Мужчина сидел у окна небольшой квартиры на восьмом этаже старого дома и смотрел на улицу. Перед ним медленно остывал кофе.

Телефон лежал на столе. Часы на стене негромко отсчитывали секунды. Совершенно обычное утро. Только вот уже несколько недель его не покидало ощущение, что в происходящем существует какая-то ошибка, какое-то не логическое противоречие, словно реальность, которую он привык считать прочной и неизменной, содержала дефект, слишком маленький для того, чтобы его можно было обнаружить напрямую, но достаточно заметный, чтобы постоянно ощущать его присутствие где-то на границе сознания. Он не мог объяснить это чувство.

Пытался много раз самому себе, потом друзьям, а позже решил больше никому ничего не говорить, потому что любые попытки описать проблему неизменно приводили к одному и тому же результату: слова начинали звучать глупо ещё до того, как предложение было закончено.

Он поднялся со стула и подошёл к книжному шкафу, что занимала почти всю стену. История, физика, философия, астрономия, романы. Старые потрёпанные издания соседствовали с новыми томами, которые ещё пахли типографской краской. Когда-то он искренне верил, что знания способны приблизить человека к пониманию мира. С возрастом, конечно, эта уверенность начала медленно и последовательно разрушаться, с каждым новым ответом, который порождал ещё больше вопросов, с каждой научной теорией, открывавшей новые бездны неизвестности и с каждым десятилетием, в течение которого человечество узнавало всё больше о Вселенной, о масштабах неизведанного. Иногда ему казалось, что знание напоминает маленький костёр посреди бесконечной ночи. Каждая новая истина расширяет круг света, но вместе с этим увеличивает и границу тьмы вокруг него.

Он протянул руку к одной из книг. На мгновение замер и нахмурился. На долю секунды ему показалось, что книга стояла на другой полке. Мысль была настолько нелепой, что он почти сразу отбросил её, но неприятное ощущение осталось. Он точно помнил и одновременно не был уверен.

Память вообще была странной вещью. Люди привыкли считать её надёжным архивом прошлого, хотя на самом деле она скорее напоминала рассказчика, который постоянно меняет детали собственной истории. Каждое воспоминание немного отличается от предыдущего. Каждое обращение к прошлому изменяет само прошлое внутри человеческого сознания. Возможно, именно поэтому никто никогда не может быть полностью уверен даже в собственной жизни.

Он усмехнулся, взял книгу и вернулся к столу, в этот же момент телефон зазвонил.

Резкий звук неожиданно нарушил тишину квартиры. Мужчина посмотрел на экран.

Незнакомый номер. Несколько секунд он просто наблюдал за мигающим вызовом, что-то заставляло его не отвечать, какое-то необъяснимое внутреннее сопротивление, будто часть сознания уже знала, что после этого разговора привычный порядок вещей изменится. Глупость, конечно же, глупость.

Каждый день миллионы людей отвечают на звонки и ничего судьбоносного в этом нет.

Он нажал кнопку приёма, поднеся телефон к уху. Несколько секунд в трубке царило странное глубокое молчание, почти живое.

Затем раздался спокойный незнакомый голос, почему-то показавшийся невероятно уставшим.

— Наконец-то, Джо.

Мужчина нахмурился.

— Кто это?

На другом конце линии возникла долгая пауза, словно собеседник размышлял не над ответом, а над тем, имеет ли смысл отвечать вообще. Когда голос прозвучал снова, в нём появилась странная интонация.

— Если бы я сказал правду, ты бы мне не поверил.

Джо почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не потому что слова были пугающими, наоборот, они были слишком простыми, иногда именно простота способна напугать сильнее всего.

За окном продолжал идти дождь, часы на стене продолжали отсчитывать секунды. Город продолжал жить своей жизнью. Никто ещё не знал, что этот разговор станет первым камнем, который сорвётся с вершины горы, чтобы спустя много лет превратиться в лавину. Хуже всего было то, что человек на другом конце линии прекрасно это понимал, потому что где-то глубоко внутри он уже слышал этот разговор раньше.

Глава III. Голос из неизвестного дня

Несколько секунд после последней фразы Джо продолжал молчать, не находя слов для ответа. Иногда человеческий разум, столкнувшись с чем-то, что не укладывается в привычную картину мира, предпочитает на короткое время остановиться, словно механизм, внезапно обнаруживший деталь, существование которой не было предусмотрено его конструкцией.

— Кто вы такой? — наконец произнёс он.

Голос в трубке ответил не сразу.

— Это не тот вопрос, который тебе следует задавать первым.

— Тогда какой же?

Снова странная пауза, словно между словами существовало что-то ещё, что невозможно было услышать.

— Лучше спросить, почему я звоню.

Мужчина подошёл к окну. Серый город казался бесконечным. Сотни людей двигались по улицам, каждый был занят собственной жизнью и спешил по своим делам. Никто из них не подозревал, что где-то среди миллионов разговоров сейчас происходит один, который не должен был состояться.

Или, возможно, наоборот, должен был состояться обязательно.

— Хорошо, — сказал он, возмущенно.

— Почему вы звоните?

На этот раз ответ прозвучал почти сразу.

— Чтобы проверить.

— Проверить что?

— Помнишь ли ты больше, чем должен.

Джо нахмурился. Фраза прозвучала настолько нелепо, что он едва не рассмеялся.

Но почему-то не смог. Что-то внутри мешало ему воспринимать происходящее как обычную шутку, словно инстинкт, существование которого он никогда раньше не замечал, настойчиво предупреждал его об опасности.

— Я вас вообще не понимаю.

— Это нормально.

— Тогда объясните.

— Пока рано.

Мужчина закрыл глаза. Раздражение постепенно начинало вытеснять тревогу.

Возможно, это был розыгрыш, может, какой-нибудь псих, какой-то неудачный эксперимент. Любое из этих объяснений выглядело намного разумнее остальных.

И всё же... Что-то не сходилось. С самого начала разговора его не покидало ощущение, будто он уже слышал этот голос. Не узнавал, а именно слышал когда-то, где-то, но не мог вспомнить ни обстоятельств, ни времени, будто воспоминание находилось за запертой дверью, совсем рядом, на расстоянии одного шага и одновременно бесконечно далеко.

— Мы знакомы? — спросил он.

На другом конце линии неожиданно раздался тихий усталый смешок, почти печальный.

— Более чем.

— Тогда почему я вас не помню?

Ответ последовал мгновенно.

— Потому что так происходит всегда.

Эти слова прозвучали настолько спокойно, будто речь шла о чём-то давно известном и совершенно очевидном. Джо почувствовал, как неприятный холод снова пробежал по позво-

ночнику. «Всегда». Это слово продолжало звучать в голове даже после того, как голос замолчал, казалось, за ним скрывалось нечто гораздо большее, чем просто особенность разговора.

— Что значит «всегда»?

На этот раз собеседник не ответил. Прошла секунда, другая, а затем мужчина услышал тихий вздох. Так вздыхают люди, которые слишком долго несут тяжёлую ношу.

— Скажи мне одну вещь, — произнёс голос. — Только честно.

— Какую?

— Последние недели тебе не кажется, что некоторые воспоминания стали неправильными?

Его сердце на мгновение замерло. Совсем ненадолго, настолько, что он сам не был уверен, произошло ли это на самом деле.

Потому что именно об этом он никому не рассказывал, именно это ощущение сводило его с ума в последнее время и заставляло его просыпаться среди ночи; книга на другой полке, разговоры, которых будто бы не было, лица людей, казавшиеся одновременно знакомыми и чужими, сны, оставлявшие после себя чувство утраты чего-то невероятно важного.

— Откуда вы знаете?

В трубке снова возникла тишина, только теперь она ощущалась иначе, словно собеседник получил подтверждение того, чего опасался.

— Значит, всё начинается раньше.

— Что начинается?

Ответа не последовало. Вместо него Джо услышал звук, похожий на далёкие помехи, на очень слабое шипение, будто сигнал проходил через огромное расстояние. Затем голос заговорил снова и впервые за весь разговор в нём появились нотки беспокойства.

— Послушай внимательно. Через несколько дней произойдёт событие, ничего особенного на первый взгляд, большинство людей даже не обратят внимания.

— Какое событие?

— Когда увидишь его, поймёшь.

— Это вообще не объяснение.

— Знаю.

— Тогда объясните нормально.

Однако собеседник будто не услышал последних слов или просто не захотел отвечать.

— После этого всё начнёт двигаться быстрее.

— Двигаться? Что именно?

— Всё.

Ему хотелось добавить что-то ещё, но неожиданно заметил странную вещь: часы на стене — секундная стрелка остановилась. Всего на мгновение, на один удар сердца, на одну вспышку внимания, а затем снова пошла вперёд. Он замер, медленно повернул голову и снова посмотрел на часы — они работали нормально, как будто ничего не произошло.

— Нет... — тихо произнёс он.

— Ты тоже заметил? — спокойно спросил голос.

Он почувствовал как внутри него что-то оборвалось, потому что он ещё ничего не рассказал и собеседник не мог знать, на что именно он сейчас смотрел, такое совпадение выглядело невозможным. Впервые ему стало страшно по-настоящему.

А далеко за пределами города, за пределами страны, за пределами всего, что люди привыкли называть своим миром, продолжалось движение чего-то настолько древнего, что само понятие возраста теряло смысл рядом с ним. Оно приближалось, приближалось так же неизбежно, как наступает рассвет после ночи.

Если бы кто-нибудь в тот момент взглянул на историю человечества со стороны, ему могло бы показаться, что где-то в глубине бесконечного лабиринта времени уже начала откры-

ваться дверь. Дверь, которая прежде открывалась бесчётное количество раз и каждый раз приводила к одному и тому же вопросу.

Глава IV «Смещение причинности»

Сперва это выглядело не как событие, а как едва заметное смещение — настолько слабое, что разум, привыкший доверять устойчивости окружающего мира, попросту отказывался выделять его как нечто отдельное, как если бы сама реальность, не нарушая своих собственных законов, позволила себе на мгновение изменить угол падения света в коридоре, где прежде этот свет всегда ложился одинаково, с математической неизбежностью повторяя сам себя от утра к утру.

Когда Джо заметил это — не придавал особого значения, но затем появились повторения. Более тонкие, почти скрытые, как будто некоторые фрагменты времени, однажды уже произошедшие, не исчезали полностью, а оставались в системе, как следы вычисления, не удалённые из памяти мира.

Он стоял на кухне, держа в руках чашку, когда впервые понял, что уже держал её так же, с той же микроскопической задержкой пальцев на керамической поверхности, с тем же незначительным поворотом головы в сторону окна, где свет падал под тем же углом, и даже мысль, возникшая в этот момент, была не новой, а странно узнаваемой, как будто она уже однажды была прожита, но не запомнена. И в этот момент возникло ощущение, которое позже он не раз пытался описать словами, но каждый раз терпел неудачу, потому что язык создан для линейного мира, а не для мира, который начинает слегка заикаться.

Это было похоже на ошибку интеграции. Как будто непрерывная функция времени вдруг дала локальный разрыв, который тут же был «зашит» обратно, но шов остался — не видимый глазу, но ощутимый для сознания, которое почему-то оказалось чувствительным к подобным дефектам. Именно тогда, впервые после телефонного звонка, он вспомнил о физике. Не о школьной, упрощённой физике причин и следствий, где каждое событие имеет ясную причину и однозначный результат, а о той физике, которую он никогда не изучал напрямую, но о которой слышал в обрывках лекций, статей, чужих разговоров — о физике, где время не является потоком, а скорее координатой, встроенной в ткань пространства, где прошлое и будущее не уничтожаются, а сосуществуют в одной общей структуре, подчинённой более глубоким уравнениям, чем те, что описывают привычную механику вещей. И чем больше он пытался удержать мысль в рамках здравого смысла, тем яснее становилось другое — здравый смысл здесь не работает, он создан для другого уровня реальности.

В последующие дни странности не исчезли, напротив, стали проявляться с той осторожной настойчивостью, с которой физические явления всегда вторгаются в область человеческого восприятия, прежде чем быть признанными как факт; сначала как случайность, затем как статистическое отклонение, смещение и лишь потом — как закономерность. Он начал замечать задержки, не механические задержки времени — часы продолжали идти правильно, телефоны синхронизировались с сетью, солнечный свет подчинялся привычной смене суток — но задержки смыслов, как будто между действием и его восприятием появлялась тонкая прослойка, в которой что-то происходило вне его контроля.

Иногда разговоры с людьми начинались с фраз, которые он был уверен, что уже слышал. Порой ответы приходили раньше, чем он успевал задать вопрос. А однажды он поймал себя на том, что человек напротив него на мгновение замолчал, будто прислушиваясь к чему-то, что звучит не в комнате, а в самом основании происходящего, и после этого произнёс фразу, которая не имела права быть произнесённой в этот момент — потому что она относилась к разговору, который ещё не состоялся.

Тогда, впервые, возникло слово, которое он не хотел произносить даже мысленно: повторяемость. И в этом месте его мысли неизбежно вернулись к тому, что однажды он слышал

в виде почти случайной фразы, сказанной кем-то между делом — о том, что в некоторых решениях уравнений общей теории относительности Эйнштейна допускаются замкнутые временные линии, где траектория объекта может возвращаться к собственной точке в пространстве-времени, не нарушая формально математического аппарата, но разрушая интуитивное представление о причинности как о строгой прямой.

Тогда это казалось абстракцией, а сейчас это ощущалось почти физически, как слабое давление в висках, как будто сама ткань реальности в его окружении начала слегка искривляться, не ломаясь, но изгибаясь под действием сил, природу которых он ещё не понимал.

В одну из ночей, когда сон не приходил, а тишина в квартире стала слишком плотной, он снова услышал звонок. Тот же самый. Именно тот же — с той же паузой между сигналом и тишиной, с тем же ощущением, что звук возникает не извне, а как будто изнутри самой структуры времени, пробиваясь сквозь слои, которые не должны были быть проницаемы. Он долго не отвечал и когда всё-таки нажал на кнопку, ему показалось, что на другом конце линии уже есть дыхание, присутствие и

голос, который прозвучал, был не новым, наоборот, знакомым настолько, что это знание не нуждалось в памяти.

— Ты уже начал замечать, — сказал голос.

В этот момент пространство вокруг него, казалось, на долю секунды перестало быть уверенным в собственной последовательности.

Глава V «Следы записи»

Он не мог точно сказать, в какой момент перестал воспринимать происходящее как череду отдельных странностей и начал ощущать в них систему.

Сначала это всегда выглядит как разрозненные вспышки — случайные сбои, не связанные между собой, как будто реальность просто иногда допускает мелкие ошибки, не влияющие на общий ход событий. Но затем приходит момент, когда этих ошибок становится слишком много, чтобы продолжать называть их случайностями.

Он решил вести записи, поскольку отсутствие фиксации делало происходящее ещё более нестабильным, будто без внешнего наблюдателя события теряли даже ту хрупкую форму, которую им удавалось сохранять.

Это были короткие пометки на телефоне: время, фразы, ощущение, обрывок разговора. Потом записи стали длиннее, где он пытался восстановить контекст, хоть и через несколько часов замечал, что некоторые детали в памяти изменились, будто сам процесс вспоминания был не архивом, а повторным воспроизведением, которое каждый раз немного переписывает исходный файл.

Чем больше он записывал, тем отчётливее становилось одно странное наблюдение:

записи не совпадали с памятью. Иногда отличия были мелкими — одно слово, порядок фраз, интонация. Иногда — существенными, как будто фиксировались разные версии одного и того же дня. Он долго не решался признать самое странное и тревожное: что, возможно, изменяется не только восприятие, но и само прошлое, к которому он пытается вернуться через память.

Однажды утром он обнаружил запись, которую точно не писал. Экран телефона был заблокирован, и в заметках его стилем, его формулировками, его привычными сокращениями — было добавлено несколько строк:

«Ты не должен пытаться зафиксировать стабильную версию. Фиксация вызывает сопротивление системы. Чем больше ты удерживаешь момент, тем сильнее он смещается.»

Он долго смотрел на эти строки, не касаясь экрана. Проблема была не в том, что текст появился сам по себе и даже не в том, что он был понятен, а в том, что он звучал правильно, как инструкция, которая всегда должна была существовать, даже если её никто не писал.

В этот день он впервые не пошёл на работу.

Не из-за страха — страх всё ещё оставался чем-то слишком человеческим, слишком определённым, а скорее из-за тихого внутреннего понимания, что привычная деятельность больше не принадлежит той версии мира, в которой он ещё мог функционировать автоматически.

Он вышел на улицу позже, когда город уже жил своей обычной жизнью, не подозревая, что для одного человека последовательность его шагов начала терять непрерывность. Люди вокруг двигались нормально, слишком нормально. И в этом «слишком» было что-то неправильное — как в идеально отлаженном механизме, который внезапно начал работать так безупречно, что это стало подозрительным.

Он остановился на перекрёстке и вдруг понял, что не помнит, как сюда дошёл, как будто между двумя точками его движения кто-то просто вырезал промежуточные кадры. В этот момент он снова услышал голос. Не в телефоне и не снаружи, скорее — как внутренний отклик на уже существующую мысль.

— Ты начинаешь замечать правильно, — сказал голос.

Он не ответил.

— Это не ошибка восприятия, — продолжил голос. — И не сбой памяти.

Пауза была короткой.

— Это адаптация.

Он медленно сжал пальцы.

— Чья адаптация? — наконец заговорил он.

И на мгновение показалось, что ответ уже был дан раньше, задолго до вопроса, но просто не был услышан.

— Системы, в которой ты находишься, — сказал голос и затем добавил тише, предупреждая:

— И ты уже не в первой её версии.

После этих слов связь — или то, что заменяло связь — оборвалась так, как будто её никогда и не было окончательно установлено.

Город снова стал обычным, совершенно обычным.

Глава VI «Корректировка»

Сначала он думал, что это просто продолжение одного и того же голоса. Та же интонация, те же паузы между словами, в которых всегда чувствовалось не столько ожидание ответа, сколько уверенность в том, что ответ уже существует и его просто нужно «вспомнить» в нужный момент, но очень быстро стало ясно, что это не совсем так, поскольку голос больше не был единственным.

Они появлялись по очереди — как разные способы говорить из одного и того же источника, будто кто-то подбирал форму речи так же, как подбирают инструмент для точной работы: один голос был спокойным и почти заботливым, другой — сухим, лишённым эмоций, третий звучал так, словно он принадлежал человеку, который уже слишком долго наблюдает за чем-то, что не должен был видеть ни один человек. Каждый из них говорил одну и ту же вещь, но по-разному.

— Ты зафиксировался в нестабильной линии,— сказал первый.

— Ты проявляешь остаточные следы предыдущих конфигураций, — сказал второй.

— Ты не должен был сохранять непрерывность, — сказал третий. И после паузы добавил:

— Но ты сохранил.

Он перестал отвечать вслух, когда начал замечать странную вещь: чем больше он отвечал, тем сильнее менялся сам контекст разговора. Словно речь была не обменом, а вмешательством в структуру происходящего, и каждое слово не просто передавало смысл, а слегка смещало саму реальность, в которой этот смысл мог быть произнесён. И тогда он начал слушать. Но вместе с голосами появилось и другое. Сначала — очень слабые несоответствия в окружающем мире. Он заметил их в мелочах: в расположении предметов, в текстах на экранах, в лицах людей, которых он вроде бы уже встречал, но которые вели себя так, будто никогда его не видели. Иногда он заходил в знакомые места и испытывал короткое, почти физическое ощущение, что планировка пространства изменилась на долю процента — настолько мало, что доказать это невозможно, но достаточно, чтобы потерять уверенность. А потом появились «слои».

Он стоял в своей квартире поздним вечером, когда впервые увидел это. Сначала подумал было, что это отражение, но отражение не может же опаздывать. В стекле окна он видел себя — сидящего за столом, неподвижного, с опущенной головой, хотя он сам в этот момент стоял. Это несоответствие длилось не мгновение, а достаточно долго, чтобы мозг успел перестать искать рациональное объяснение и просто зафиксировать факт: есть две версии одного и того же момента, существующие одновременно, но не совпадающие. Он отступил назад — и изображение в окне не повторило его движение, а осталось неподвижно, будто мир, который должен был быть отражением, оказался отдельной системой наблюдения. В этот момент снова заговорил голос и теперь он звучал более близко, словно источник перестал находиться «где-то» и начал существовать «внутри».

— Ты видишь расслоение, — сказал он.

— Это не должно быть видно, — ответил Джо, сам не понимая, почему отвечает шёпотом.

— Уже поздно для «не должно», — сказал голос.

Он медленно приблизился к окну, не отрывая взгляда от неподвижной версии себя.

— Кто вы? — растерянно спросил он.

И в этот момент в разговор вмешался другой слой — голос, который не принадлежал ни одному из предыдущих, звучал так, будто его не произносили, а транслировали напрямую в структуру восприятия.

— Наблюдатели фиксируют отклонение.

Слова были сухими, почти техническими, и от этого ещё более тревожными.

— Линия сохраняет избыточную непрерывность.

— Объект не должен обладать устойчивой памятью между интеграциями.

Пауза, затем — уже не как сообщение, а как вывод:

— Требуется корректировка.

Он почувствовал, как по спине проходит холод, не связанный ни с температурой, ни со страхом, только с чистым ощущением того, что его существование только что было описано как ошибка в отчёте.

— Они тебя не предупреждали полностью, — снова сказал первый голос, уже тише.

— Кто «они»? — спросил Джо и на этот раз ответ задержался.

— Те, кто запустил повтор, — сказал голос.

В этот момент он впервые понял, что речь идёт не только о нём и не только о голосах.

Вероятно, где-то существует уровень, на котором его жизнь рассматривается не как история, а как процесс, который можно запускать снова, изменять, проверять... или исправлять.

Окно всё ещё показывало его — неподвижного, как застывшую запись, в которой он ещё не сделал следующий шаг.

Глава VII «Синхронизация слоёв»

После слова «корректировка» ничего внешне не изменилось, всё осталось прежним; стены не дрогнули, свет не изменил оттенок, воздух не стал тяжелее.

Он не знал, сколько времени стоял у окна. Может быть, несколько минут, быть может, меньше или этот параметр уже перестал вообще иметь смысл.

Неподвижная версия себя в стекле всё ещё сидела за столом, и в какой-то момент ему показалось, что она не просто неподвижна — она чего-то ожидает. Он медленно отошёл от окна и отражение не последовало сразу. Задержка была настолько небольшой, что её почти невозможно было бы отличить от оптической иллюзии, если бы не одно простое ощущение — движение больше не было синхронным и перестал быть единым. В этот момент снова возник голос, он не входил резко, не «звучал» и не «появлялся» — он был уже здесь, как фон, который всегда существовал, но раньше не был различим.

— Фиксация завершена, — сказал он.

Человек не ответил.

— Ты наблюдаешь расхождение между версиями, — продолжил голос. — Это ожидаемый эффект.

— Ожидаемый? — тихо произнёс он.

И на этот раз голос будто не сразу понял вопрос.

— Да, — сказал он наконец. — При повторной интеграции объект сохраняет фрагменты предыдущих состояний. Это побочный след непрерывности.

Слово «объект» резануло сильнее, чем всё остальное. Он сел на край стула, не отрывая взгляда от окна, где другая версия его всё ещё оставалась в прежнем положении.

— Это я? — спросил Джо неуверенно.

— Ты — версия, которая стала устойчивой дольше допустимого окна, — ответил голос. Он закрыл глаза на секунду и в этой темноте почему-то стало хуже, чем при свете.

— Сколько их? — спросил он.

— Версий? — уточнил голос.

— Меня.

И вот здесь ответ изменился и стал менее определённым.

— Достаточно, чтобы исходная конфигурация перестала быть единственной.

Эта фраза ничего не объясняла, хотя идеально всё описывала. Открыв глаза, он заметил, что отражение в окне впервые сделало то, чего раньше не делало.

Оно посмотрело прямо на него, точно в ту точку, где он стоял.

И в этот же момент он понял: наблюдение больше не одностороннее.

Голос снова заговорил, почти как фиксирующая запись:

— Начинается синхронизация слоёв.

Он резко шагнул назад и в ответ — обе версии его, внешняя и отражённая, сделали это одновременно. Только теперь стало ясно, что «корректировка» — это не устранение ошибки, а попытка выбрать, какая версия останется единственной.

Глава VIII. Эхо будущего

Ночь опустилась на город каким-то странным, почти незаметным смещением света, словно сама граница между днём и тьмой в этот раз оказалась проведена немного иначе, чем прежде, будто кто-то невидимый и бесконечно далёкий, не имеющий ни имени, ни лица и даже принадлежности ко времени, провёл новую линию поверх старой и оставил её там, не заботясь о том, заметит ли кто-нибудь подмену.

Джо сидел у окна. Телефон молча лежал на столе. После последнего разговора прошло несколько дней, однако ощущение завершённости не появилось; напротив, чем больше времени проходило, тем сильнее становилось чувство, что настоящий разговор ещё даже не начался, а всё услышанное ранее являлось лишь неким вступлением, необходимым для того, чтобы подготовить его сознание к вещам, которые нормальный человек принять попросту не способен.

Мир продолжал существовать с той демонстративной уверенностью, которую обычно проявляют вещи, не подозревающие о собственной хрупкости. Однако Джо всё чаще ловил себя на мысли, что реальность напоминает не монолитную конструкцию, а огромную запись, многократно переписанную поверх самой себя, словно под видимой поверхностью происходящего находились другие слои событий, более старые, более глубокие, следы которых по какой-то причине не были полностью удалены.

Эти мысли не давали ему покоя. Он решил записывать и странности. Отдельные даты, случайные фразы, сны, ощущения, лица незнакомых людей, которые казались удивительно знакомыми. Места, в которых он никогда не бывал и которые всё же вызывали болезненное чувство узнавания. Иногда записи противоречили друг другу, иногда же они совпадали слишком точно.

В один из вечеров, когда ветер с настойчивостью человека, пытающегося достучаться до запертой двери, бился в стекло его квартиры, Джо вновь открыл старый блокнот и внезапно заметил запись, которую совершенно не помнил. Почерк был его и чернила были его, даже характерный наклон букв принадлежал ему, но всё же он был уверен, что никогда этих слов не писал.

Страница содержала всего одну строку.

«Не ищи начало цикла. Его никогда не существовало».

Некоторое время он просто смотрел на неё, затем перечитал, потом ещё раз и ещё, надеясь, что при очередном прочтении смысл изменится, но слова оставались прежними. Не ищи начало цикла — его никогда не существовало. В этот момент внутри него произошло нечто странное — столкновение двух несовместимых представлений о мире.

Всю жизнь человек мыслит через причины, зная, что каждое событие обязано иметь источник и каждый результат должен происходить из чего-то предшествующего.

Любая история обязана начинаться. Но что если существуют процессы, не имеющие первого шага? Что если сама причинность способна замыкаться на себе подобно кольцу? Мысль была абсурдной, однако, почему-то именно она казалась пугающе естественной.

Телефон вновь зазвонил. Джо вздрогнул.

Номер снова отсутствовал. Несколько секунд он смотрел на экран, затем ответил.

— Ты начал понимать.

Голос был спокойным и усталым, казалось, принадлежал человеку, который слишком долго нёс на плечах груз знания.

— Кто ты?

— Этот вопрос становится всё менее важным.

— Для меня он становится всё важнее.

На другом конце линии возникла короткая пауза.

— Хорошо. Тогда задам встречный вопрос. Кто такой ты?

— Что за бред?, — возмутился Джо.

— Ты уверен, что являешься первой версией самого себя?

— Что это значит?

— То, что ты уже задавал этот вопрос и мы это обсуждали.

— Нет, — ответил он резко.

Голос стал тише.

— Я говорю не о нашем разговоре, я говорю о других.

— Каких других?

— Тех, которых ты не помнишь.

Сердце забило быстрее.

— Ты говоришь так, будто всё это уже происходило.

— Потому что так и есть, всё уже происходило.

— Когда?

— Много раз.

Джо поднялся с кресла и подошёл к окну.

Город продолжал жить своей жизнью. Тысячи людей и их бесконечное движение. Ему всё это показалось невероятно маленьким на фоне слов, звучащих в телефонной трубке.

— Если всё повторяется, почему никто этого не замечает?

— Потому что память не проходит через цикл полностью.

— Но какие-то следы остаются?

— Всегда.

— Сны?

— Иногда.

— Дежавю?

— Иногда.

— Странные ощущения?

— Почти всегда.

Ветер завывал где-то между домами.

Голос продолжил:

— Представь книгу, которую переписывают снова и снова. Каждый раз текст почти одинаковый, но некоторые буквы остаются от предыдущих версий. Большинство читателей их не замечает. Однако иногда находится человек, который начинает видеть следы старых записей под новыми строками.

— И этим человеком являюсь я?

— Да.

— Но почему?

На этот вопрос собеседник ответил не сразу, настолько, что он уже решил, будто связь оборвалась.

Наконец голос произнёс:

— Потому что в прошлых циклах ты был одним из тех, кто создавал дверь.

Джо замер.

— Какую дверь?

— Ту самую.

После этих слов наступила долгая, тяжелая тишина и связь неожиданно оборвалась без предупреждения и прощания.

Джо ещё несколько секунд продолжал держать телефон возле уха, потом медленно опустил руку, заметив новую запись в блокноте, которой точно не было раньше, в этом он был абсолютно уверен. На следующей странице, написанные тем же почерком, стояли всего четыре слова:

«До события осталось 417 дней»...

Где-то далеко, за пределами его понимания, в местах, где причинность давно перестала двигаться по прямой линии и начала замыкаться сама на себя, уже пришло в движение нечто настолько огромное, что вся история человечества могла оказаться лишь первым колебанием перед его пробуждением.

Глава IX. Обратный отсчёт

Существуют знания, которые человек получает извне, читая книги, слушая других людей или наблюдая окружающий мир, и существуют знания иного рода — те, что возникают внутри сознания подобно медленно растущей трещине, появление которой невозможно объяснить ни опытом, ни логикой, ни случайностью, поскольку она словно приходит из какого-то места, не принадлежащего настоящему моменту, и постепенно начинает изменять всё восприятие реальности, заставляя видеть привычные вещи под совершенно иным углом.

После появления последней записи жизнь Джо внешне не изменилась. Он продолжал просыпаться по утрам, ехать по знакомым улицам, встречать тех же людей и выполнять те же действия, которые выполнял вчера, неделю назад и много лет подряд, однако за этой привычной последовательностью событий теперь постоянно присутствовало ощущение чего-то невидимого, но исключительно важного, словно за тонкой декорацией повседневности находился другой мир, скрытый от большинства людей лишь по причине того, что они никогда не пытались прислушаться к его существованию.

Число четыреста семнадцать сопровождало его повсюду. Оно больше не выглядело просто набором цифр, оставленных неизвестным автором в блокноте; напротив, с каждым днём оно приобретало всё более странную и тревожную плотность смысла, превращаясь из информации в ожидание, а затем из ожидания — в нечто гораздо более серьёзное, напоминающее приближение далёкого события, масштаб которого невозможно оценить до тех пор, пока оно не окажется непосредственно перед тобой.

Несколько раз Джо пытался убедить себя, что придаёт происходящему слишком большое значение. Говорил себе, что человеческий мозг обладает удивительной способностью находить закономерности там, где их никогда не существовало, что память несовершенна, а восприятие легко поддаётся внушению, однако каждый раз, когда эта рациональная конструкция почти завершалась и начинала казаться убедительной, происходило нечто такое, что вновь возвращало его к исходной точке. Иногда это были странные сны, иногда случайные фразы, услышанные от совершенно незнакомых людей.

Или же короткие мгновения, когда окружающая реальность неожиданно приобретала оттенок узнавания, настолько сильный, что возникало ощущение не просто повторения момента, а возвращения в место, которое когда-то давно уже было прожито.

Особенно тревожными стали ночи. Именно ночью сознание переставало защищать себя привычными объяснениями, и тогда в памяти начинали всплывать странные образы, происхождение которых он не мог понять.

Ему всё чаще снилось огромное пространство, лишённое каких-либо узнаваемых признаков мира, некая область существования, в которой сами понятия расстояния и формы теряли привычный смысл. Посреди этой бесконечной пустоты находились часы, тысячи, миллионы часов, да их невозможно было сосчитать. Они покрывали пространство во всех направлениях подобно звёздам на ночном небе, однако каждые из них показывали собственное время, словно принадлежали различным версиям одной и той же реальности. И всякий раз среди бесконечного множества циферблатов он замечал только один, невероятно огромный и неподвижный, ожидающий чего-то. Под ним неизменно горели цифры. Во время последнего такого сна произошло нечто новое. Впервые за всё время рядом с теми часами появилась фигура. Неясный силуэт, словно собранный из тени и света одновременно, стоял возле гигантского механизма так спокойно, будто ожидал его появления уже очень давно. Лица его невозможно было различить, а очертания тела постоянно менялись. Однако, ощущение узнавания возникло мгновенно. Оно было настолько сильным, что Джо почувствовал настоящий страх — он каким-

то необъяснимым образом знал его, причем, настолько хорошо, насколько человек способен знать самого себя.

Когда фигура медленно подняла руку, неподвижные стрелки начали двигаться.

Сначала едва заметно, потом быстрее и еще

быстрее. До тех пор, пока движение не превратилось в непрерывный круг света, внутри которого исчезли отдельные детали механизма. В тот же момент пространство наполнил звук, не похожий ни на что из слышанного ранее. Казалось, будто сама история мира одновременно перелистывает бесчисленные страницы, возвращаясь к давно забытому месту и начиная чтение заново.

Проснувшись среди ночи, он ещё долго сидел в темноте, ощущая странную тяжесть внутри сознания, поскольку впервые за всё время ему показалось, что сон являлся не продуктом воображения, а воспоминанием, утратившим связь со своим происхождением.

Именно тогда зазвонил телефон. Он уже и перестал удивляться подобным звонкам.

Перестал спрашивать себя, каким образом неизвестный собеседник появляется именно в те моменты, когда это кажется невозможным, хотя бы для рациональных объяснений. Всё это осталось позади вместе с той версией мира, в которой события подчинялись понятной логике.

— Ты начал видеть часы, — произнёс голос после того, как Джо ответил.

Вопроса в этих словах не было — лишь уверенность.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты всегда начинаешь видеть их примерно на этом этапе.

Фраза прозвучала настолько естественно, что её истинный смысл дошёл до сознания лишь спустя несколько секунд.

— Что значит «всегда»?

На другом конце линии воцарилась тишина, которая всё чаще возникала перед ответами, содержащими что-то действительно важное.

Наконец голос произнёс:

— Каждый цикл развивается немного по-разному, однако существуют события, которые повторяются почти неизменно. Ты начинаешь замечать ошибки. Затем появляются записи. Затем часы.

— А потом?

— Потом ты начинаешь вспоминать.

Слова прозвучали настолько спокойно, будто речь шла о совершенно обычном процессе, однако, внутри него всё сжалось.

— Что именно я должен вспомнить?

— Себя.

— Я и так помню себя.

— Нет, — ответил голос почти шёпотом. — Ты помнишь лишь одну из своих жизней.

После этих слов разговор неожиданно потерял прежний масштаб, потому что впервые речь шла уже не о времени, не о циклах или о загадочной двери — речь шла о нём самом, о возможности того, что его личность является лишь маленьким фрагментом чего-то гораздо большего, существующего далеко за пределами одной человеческой жизни.

Когда связь вновь оборвалась, оставив его наедине с тишиной квартиры, он вдруг поймал себя на мысли, что впервые за всё время боится не будущего. Он начинает бояться прошлого, ведь, если впереди находится неизвестность, то где-то позади может скрываться ответ. А ответы, как он уже начал понимать, далеко не всегда оказываются менее страшными, чем вопросы.

Глава X. Фрагменты памяти

Иногда человеку кажется, что память представляет собой надёжное хранилище прожитой жизни, огромный архив событий, расположенных в строгом порядке и ожидающих момента, когда сознание вновь обратится к ним, однако подобное представление существует лишь до тех пор, пока память не начинает вести себя вопреки всем известным законам, извлекая из глубины не только реальные воспоминания, но и нечто такое, чему попросту неоткуда было взяться.

После разговора о прошлых жизнях Джо всё чаще ловил себя на странном ощущении, которое невозможно было выразить словами без риска показаться сумасшедшим даже самому себе. Ему начинало казаться, что внутри его сознания присутствует кто-то ещё, бесконечное множество почти стёртых следов, оставшихся от людей, которые были удивительно похожи на него и одновременно совершенно отличались, словно каждая прожитая жизнь оставляла на поверхности времени слабый отпечаток, не исчезающий полностью даже после очередного перезапуска истории.

На протяжении нескольких дней это ощущение оставалось лишь смутной тревогой, однако однажды вечером, возвращаясь домой по знакомой улице, он внезапно остановился посреди тротуара. Причиной послужило ничем не примечательное старое здание. Настолько обычное, что тысячи людей ежедневно проходили мимо него, не удостоивая взглядом. Однако в тот момент Джо неожиданно понял, что знает расположение всех помещений внутри: знал, где находится лестница, где расположен лифт, где технический этаж, что на пятом этаже существует комната без окон, будто

речь шла о собственной квартире. Несколько секунд он просто стоял неподвижно, затем вошёл внутрь. Сердце билось всё быстрее по мере того, как он поднимался по лестнице. Пятый этаж действительно существовал и дверь в точности находилась именно там, где он ожидал, а за ней действительно оказалось небольшое помещение без окон. Помещение было пустое, заброшенное, покрытое слоем пыли, однако, дело было не в комнате. Дело было в том, что он никогда прежде здесь не был, по крайней мере, так подсказывала память, но какая именно память? Этот вопрос преследовал его весь следующий вечер. У него впервые возникло странное подозрение, что память и воспоминания — далеко не одно и то же. Воспоминания принадлежали нынешней жизни, а память же могла оказаться чем-то гораздо более древним.

Этой ночью сон пришёл почти сразу и впервые он увидел не символы, не часы и не бесконечные пространства. Он увидел настоящее событие, настолько яркое, что после пробуждения ещё долго не мог понять, спит он или уже проснулся. Перед ним находился огромный город. Привычные масштабы человеческой цивилизации казались рядом с ним примитивными поселениями древности.

Над горизонтом возвышались конструкции, назначение которых невозможно было определить. Они уходили в облака, теряясь в серебристом свете, а между ними двигались тысячи аппаратов, напоминавших одновременно транспорт и живые организмы.

Но самым поразительным было не это. Самым поразительным оказалось чувство узнавания. Во сне он не удивлялся увиденному — он знал этот город, так же естественно, как знает улицы родного района человек, проживший там всю жизнь.

Он шёл по широкой платформе, расположенной высоко над землёй, и разговаривал с кем-то, чьего лица не видел.

И вдруг услышал всего одну фразу:

«Если расчёты верны, цикл продлится ещё семь повторений».

После этих слов сон оборвался, однако голос продолжал звучать внутри сознания даже после пробуждения.

Джо сидел на кровати до самого рассвета, пытаясь понять одну простую вещь. Если увиденное являлось воспоминанием... То чьим именно?

Именно в этот момент повествование впервые смещается далеко вперёд по течению времени. Туда, где человечество уже перестало быть тем видом, который существовал в XXI веке, где Земля давно перестала быть единственным домом людей, где само понятие государства превратилось в исторический термин, изучаемый так же, как когда-то изучались древние империи.

За много столетий до рождения Джозефа Харрисона и одновременно спустя тысячи лет после его смерти человечество достигло уровня развития, который предыдущие эпохи сочли бы божественным, однако именно тогда стало ясно, что главная проблема разумной жизни заключается не в технологиях и не в ресурсах, а во времени, потому что впервые учёные будущего обнаружили нечто невозможное — следы предыдущих версий истории, слабые и почти неразличимые, но реальные. С того момента началась история, которая однажды приведёт человечество к созданию двери. История, начало которой ещё только ожидало Джо впереди, а конец уже существовал где-то позади.

Глава XI. Архив невозможного

Чем больше он пытался убедить себя в том, что увиденный сон являлся лишь результатом накопившегося напряжения, тем настойчивее сама реальность начинала разрушать его объяснения, словно существовал некий предел, за которым привычная картина мира уже не могла удерживать собственную целостность и постепенно уступала место чему-то более древнему и одновременно более настоящему.

На протяжении нескольких недель ему продолжали сниться обрывки будущего.

Никогда полностью и никогда достаточно долго. Каждый раз лишь фрагменты, короткие сцены, разговоры, помещения, лица людей, которых он никогда не встречал, но всё же вызывали необъяснимое чувство узнавания. Однако постепенно среди этого хаоса начала проявляться закономерность. Все увиденные эпизоды были связаны между собой, являясь частями одного большого события, которое происходило спустя многие столетия после его времени.

Однажды ночью он увидел огромный зал, скрытый под поверхностью какого-то мира.

В центре помещения находилась конструкция, напоминающая одновременно библиотеку, вычислительный центр и научный архив. Бесконечные ряды светящихся секций уходили в темноту настолько далеко, что человеческий взгляд не мог определить их границу. Вокруг двигались люди и вдруг он услышал разговор.

— Количество подтверждений увеличилось.

— Насколько?

— До сорока трёх миллионов.

Последовала долгая пауза, затем второй голос произнёс:

— Значит, сомнений больше нет.

— Нет.

— История действительно повторилась.

Даже во сне эти слова заставили его почувствовать тревогу, потому что люди говорили о повторениях не как о теории. Они говорили о них как о научном факте.

После пробуждения он долго сидел возле окна, наблюдая за тем, как над городом медленно поднимается рассвет, и впервые задумался о вещи, которая прежде почти не приходила ему в голову. Что если загадочный собеседник не пытается предупредить его о будущем? Что если он пытается предупредить его о прошлом? Если человечество действительно переживало множество циклов, то где-то среди бесконечных слоёв повторяющейся истории должна была существовать причина, должно же быть первое отклонение, первый сбой, первое решение, которое когда-то привело мир к замыканию времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.